

Последний урок старшего брата: проблема политической реформы в Китае и перестройка в СССР¹

Иван Юрьевич Зуенко,

старший преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии ДВФУ, младший научный сотрудник отдела китаеведения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: ivanzuwei@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы политической реформы КНР во второй половине 1980-х гг. и её связи с перестройкой в СССР. Автором делается предположение, что два процесса не могли протекать автономно, без взаимного влияния. Поэтому, говоря о политическом развитии КНР, необходимо учитывать и фактор перестройки в СССР как площадки для апробирования опыта трансформации политической системы и как источника мотивации для части китайской политической элиты. Однако проведённая работа показала, что данный фактор не стоит переоценивать. Сообщения СМИ о событиях в СССР в 1985—1987 гг. имели сдержанный характер. В 1987—1989 гг. внимание к перестроечным процессам значительно усилилось, в китайской прессе стали превалировать позитивные оценки изменений в СССР, что, по мнению автора, связано с завуалированной поддержкой курса Чжао Цзяна, направленного на углубление политической реформы. При этом свидетельства того, что политическая повестка реформ в КНР была сформирована под влиянием советского опыта, не получено. Реформа в Китае была свёрнута по внутренним причинам, а не в результате получения каких-либо выводов о негативном опыте КПСС. В то же время изучение причин коллапса Коммунистической партии Советского Союза и страны в целом способствовало коррективке курса КПК в последующие годы.

Ключевые слова: Китай, модернизация, политическая реформа, СССР, перестройка.

**The last lesson of the Older Brother:
the political reform issue in China and perestroika in USSR.**

Ivan Zuenko, Far Eastern Federal University; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia.
E-mail: ivanzuwei@gmail.com

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Северо-Восточный Китай и Дальний Восток России: факторы влияния на модернизационное развитие трансграничных территорий в 50—60-е гг. XX в. и в начале XXI в.» № 15-07-00039.

The paper deals with issues of political reform in PRC in the second half of 1980's and its connection with perestroika in USSR. The author presumes that these two processes could not take course autonomously, without mutual influence. Therefore, when speaking about political development of PRC, the factor of perestroika in USSR as a site for trying out the political system transformation experience and motivation source for a part of Chinese political elite has to be taken into consideration. But the work performed showed that this factor had not to be underestimated. Media messages about events in USSR in 1985—1987 were reserved. In 1987—1989, the attention to perestroika processes intensified; positive evaluations of changes in USSR began to prevail in Chinese media which was, in the author's opinion, due to covert support of Zhao Ziyang aimed at extension of the political reform. But no evidence was found that political agenda of reforms in PRC was formed under the influence of the Soviet experience. The reforms in China were wound up due to internal reasons but not as a result of drawing any conclusions about the negative experience of CPSS. At the same time, studying the reasons of the collapse of the Communist Party and the country in whole favored the policy adjustment of the Communist Party of China in the following years.

Keywords: China, modernization, political reform, USSR, perestroika.

В настоящий момент в Китае доминирует представление о перестройке в СССР как о примере крайне неудачных масштабных реформ, которые привели к потере правящей партией власти и распаду государства [18; 19; 20; 21; 22]. Перестроечный опыт Советского Союза внимательно изучается, причём для последнего времени характерна активизация данного процесса [3; 5; 16; 20]. Однако упор делается исключительно на анализе «допущенных ошибок» без признания того факта, что события перестройки в СССР так или иначе влияли и на политическую ситуацию в Китае. Между тем невозможно предположить, что масштабные преобразования в двух соседних странах, объединённых общими закономерностями развития в рамках реализации проекта социалистического государства, происходили автономно, без какого-либо (прямого или косвенного) взаимодействия. В 1985—1989 гг., т.е. с момента начала перестройки в Советском Союзе, по времени совпавшей с запуском «второго этапа реформ» в КНР, и вплоть до июня 1989 г., когда были подавлены выступления студентов на площади Тяньаньмэнь и в Китае наступил период жёсткой консервативной реакции, обе страны во многом развивались параллельно, вынуждено решая схожие проблемы, а ситуацию и в КНР, и в СССР можно было характеризовать как «близкую к революционной». Анализу того, насколько события в Советском Союзе освещались в Китае, как использовалась информация о перестроечных процессах частью элиты КНР, заинтересованной в более глубоких преобразованиях (прежде всего в политической

сфере), насколько специфический опыт СССР predetermined ход и развитие т.н. политической реформы в Китае, посвящена данная работа.

В советский период отечественными специалистами декларировался позитивный характер изучения советского опыта в КНР [1, с. 78; 8, с. 160], на основе анализа публикаций в официальной прессе утверждалось, что «интерес к социально-политическим изменениям в нашей стране не меньше, чем к их экономическим аспектам» [1, с. 77]. После развала СССР, когда наиболее очевидным являлся вывод о различной реакции руководства двух стран на схожие вызовы (прежде всего в сфере демократизации партократического режима), основное внимание уделялось сравнительному анализу реформ в Советском Союзе и Китае [7; 13; 14]. Причём раскрытие «перестроечного фактора» в развитии политической ситуации в КНР конца 1980-х гг. должным образом не производилось. Данная статья является попыткой восполнить пробел в этом аспекте наших представлений о развитии Китая 1980-х гг., обобщив разрозненные сведения, содержащиеся в фундаментальных работах о политическом процессе КНР периода реформ [6; 11; 15], вкупе с данными китайской периодики. Структурно статья состоит из четырёх разделов и заключения. Сперва характеризуется исторический контекст, в котором в середине 1980-х гг. началось обсуждение политических реформ в СССР и КНР, затем показывается, как менялось отношение к перестройке в различные периоды (1985—1987, 1987—1989, после 1989 г.), и делается ряд выводов.

РЕФОРМЫ В КИТАЕ И СССР: ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ СЛАЛОМ

Тяжелейшая социально-экономическая ситуация в Китае после десятилетия «культурной революции» и до предела обострившаяся фракционная борьба в элите predetermined острую потребность в преобразовании всех сфер деятельности государства, которое началось после принципиального решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) «перенести центр тяжести работы партии с политики на экономику». Начался сложный и противоречивый процесс т.н. первого этапа реформ, в ходе которого в экспериментальном порядке, при наличии серьёзного противодействия со стороны консерваторов в партийной элите, осуществлялись коренные изменения в отдельных сферах экономики и в некоторых регионах страны. В политической сфере реформы ограничились критикой культа личности и чисткой партийно-административного аппарата, в ходе которой «выдвиженцы культурной революции» повсеместно заменялись старыми кадрами (партийцами с опытом управленческой работы 1950—1960-х гг.). С 1982 г. началась кампания по омоложению партийного актива, а также его масштабная ротация. В 1983 г. объявлено о действиях по «упорядочению партии» в соответствии с курсом на омоложение

и повышение образовательного уровня руководства. После 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.) было принято решение о начале «второго этапа реформ», которому следовало охватить всю страну. Реформа предполагала переход от плана к различным формам «подрядной ответственности», что к 1987 г. осуществило до 80% государственных предприятий [15, с. 496]. Преобразования сопровождались определённой либерализацией общественно-политического климата, инициатором этого выступила часть руководства КПК, включая генсека Ху Яобана. Особая роль отводилась тем органам власти, которые должны были инициативно проводить политику реформ на местах. Таким образом, своя «перестройка» началась в Китае за шесть лет до начала схожих процессов в СССР, однако до середины 1980-х гг. преобразования носили ограниченный, экспериментальный характер, продуманная программа («дорожная карта») отсутствовала. Реформы фактически не затрагивали политическую сферу, а изменения в системе управления и региональной власти носили декоративный характер.

Реформы в СССР, точкой отсчёта которых обычно указывается апрельский пленум ЦК КПСС 1985 г., так же, как и в Китае, начались в качестве попыток реформирования системы изнутри, не имея при этом цели сломать её. Первый этап перестройки (март 1985 — июль 1987 г.) ознаменован выдвижением трёх ключевых установок: «ускорение», «перестройка», «гласность». Несмотря на новые формулировки, за первыми двумя скрывалась достаточно традиционная модель социалистической модернизации, вобравшая в себя уже опробованные во внутренней политике подходы [10, с. 81]. Абсолютно новой первое время была только установка на гласность, которая и заинтересовала китайских наблюдателей больше всего.

1985—1987 гг.: РЕФОРМЫ В СССР КАК СОБЫТИЕ

С начала периода реформ анализ политической жизни Советского Союза осуществлялся в КНР через призму борьбы, идущей внутри китайской элиты по поводу курса развития страны [2, с. 38]. Так, в 1985—1987 гг. отношение к преобразованиям в СССР было в основном нейтрально-скептическим, что отражало противоборство умеренно-либеральной части элиты (Ху Яобан, Чжао Цзыян, Вань Ли и др.) и консервативного большинства (Дэн Лицюнь, Пэн Чжэнь, Ху Цяому и др.) при Дэн Сяопине в роли третейского судьи и координатора взаимодействия фракций. Декларировалось нежелание перенимать опыт соседнего государства, свидетельством чего может являться фраза Дэн Сяопина в беседе с В. Ярузельским (сентябрь 1986 г.) о том, что «политическая система КНР была скопирована с политической системы СССР и оказалась неэффективной, поскольку не учитывались национальные особенности Китая» [6, с. 37].

С одной стороны, лозунговая составляющая первого этапа перестройки в целом совпадала с аналогичными призывами КПК («ускорение социально-экономического развития страны», «кампания по омоложению руководящего состава», «курс на совершенствование социализма» вместо «построения коммунизма» [17]). С другой — слишком радикальная замена основной массы старых кадров «брежневского призыва» на новых управленцев, что активно освещалось китайской прессой (например, в июле 1985 г. из 11 публикаций в газете «Жэньминь жибао» 10 касались кадровой ротации и лишь одна — экономического аспекта перестройки [1, с. 67]), не могла не смущать «старую гвардию» КПК, которая сопротивлялась схожим процессам в Китае.

В оценке перестройки в СССР превалировали моменты, актуальные и для КНР. Так, газета «Лилунь синьси бао» отмечала, что в Советском Союзе «серьёзно берутся... за искоренение бюрократизма, коррупции и морального разложения, в обстановке широкой гласности проводится суровое наказание виноватых» [1, с. 67]. Те же самые клише могли использоваться для информационного сопровождения кампании по «упорядочению партии», острière которой направлялось не только на «новых хозяев жизни» из числа партийной элиты, научившихся извлекать выгоду в условиях перехода к рыночной экономике и ослабления контроля центра, но и на пережитки маоистского периода, которые были всё ещё сильны на периферии.

В КНР постепенно разворачивалась общественная дискуссия о необходимости реформ в политической сфере, под которыми понималось, прежде всего, преодоление чрезмерной концентрации власти в руках партийных органов. Тон ей ещё с начала 1980-х гг. задавал Дэн Сяопин, неоднократно декларировавший необходимость разграничить полномочия между центром и регионами, между партийными, административными, хозяйственными и общественными организациями. Касательно руководящих кадров этот лидер заявлял о «нецелесообразности занимать много должностей и иметь большое число заместителей», равно как и о необходимости решить вопрос «преемственности руководства». В июне 1986 г., признав, что вопрос о политических реформах, поставленный ещё в 1980 г., до сих пор не конкретизирован, Дэн Сяопин потребовал включить его в повестку дня: «В противном случае при нашем громоздком, разбухшем аппарате, бюрократизме, волоките... неизбежно возникнет торможение, которое застопорит реформу хозяйственной системы» [1, с. 509]. Налицо полное соответствие советской риторике того же периода, однако у нас нет оснований предполагать, что в одной из стран копировали опыт другой. Скорее, необходимость борьбы с неизбежными побочными эффектами плановой партократической системы являлась очевидной для обоих государств.

В этом контексте важным представляется анализ выступлений Дэн Сяопина 1985—1987 гг., в которых он, наравне с целым рядом призывов

в духе советской перестройки (борьба с бюрократизмом, чрезвычайной концентрацией власти, «патриархальщиной», привилегиями), неизменно твёрдо выступает за «восстановление внутривластной дисциплины» (момент, практически отсутствующий в выступлениях советской партийной верхушки в те же годы) [15, с. 507]. К тому же Дэн Сяопин и его сторонники среди консерваторов сразу оценили всю опасность, грозящую существующему режиму со стороны студенческих протестных выступлений, имевших место в 1985—1986 гг.², тогда как Ху Яобан и Чжао Цзянь видели в них подтверждение готовности общества к политическим реформам [15, с. 511]. Примечательно, что в этот момент Дэн Сяопин заявил: «Если раньше мы делали акцент на помехи с „левой стороны“, то нынешние волнения напомнили нам о необходимости акцентировать внимание на помехах „справа“» [15, с. 517]. Чрезмерный крен «вправо» в Советском Союзе, под которым понималось претворение в жизнь установок на гласность, был воспринят тогда скептически.

Как следствие, консолидированная позиция по отношению к переменам в Советском Союзе в 1985—1987 гг. отсутствовала, а освещение советской перестройки в китайских СМИ носило кратко информативный, сдержанный характер [1, с. 67]. О необходимости восприятия какого-либо опыта не сообщалось.

1987—1989 гг.: РЕФОРМЫ В СССР КАК ПРИМЕР

На рубеже 1986—1987 гг. в высшем руководстве КПК состоялась ключевая рокировка, во многом предопределившая дальнейшие события в Китае. Был вынужден подать в отставку с поста генерального секретаря Ху Яобан, обвинённый в чрезмерной мягкости по отношению к «буржуазной либерализации», с которой связывались студенческие протесты (фактически же он самостоятельностью и некоторыми решениями, затрагивающими интересы партийной элиты, настроил против своей фигуры верхушку КПК). Новым генсеком стал Чжао Цзянь, до этого отвечавший за экономические преобразования и проявивший себя как сторонник рыночной системы и демократизации режима. Его избрание произошло при активной поддержке Дэн Сяопина, стремившегося к продолжению реформ и боявшегося их сворачивания в случае прихода к власти

² Кризисная ситуация 1985—1986 гг. была вызвана недовольством со стороны городской учащейся молодёжи ростом цен, коррупцией и бюрократизмом среди номенклатуры и подстёгнута либерализацией общественной дискуссии. В конце декабря 1986 г. студентами Пекинского университета выдвигались и политические требования, включая призыв к многопартийному правлению и свободе печати и слова. Отдельные выступления имели характер неповиновения властям и были подавлены. Однако в целом с ситуацией удалось справиться, в т.ч. путём запуска «кампании по борьбе с порочным стилем» партии и коррупцией.

консерватора. Однако в результате этого решения под само основание власти КПК была заложена мина замедленного действия, которая взорвалась через два с половиной года.

Одновременно важные изменения произошли и в самом Советском Союзе: на январском пленуме ЦК КПК 1987 г. провозглашена задача коренного реформирования экономики, выдвинута концепция «нового мышления», конкретизировано понимание гласности, что вызвало резкую либерализацию всех сторон духовной жизни общества. Ситуация в СССР и КНР вновь оказалась схожей, с той лишь разницей, что Горбачёв задал изначально очень высокий уровень духовного раскрепощения социализма, без чего вряд ли удалось бы преодолеть консервативную инерцию элит и обеспечить переход к подлинной перестройке прогнившей государственной системы. Безусловно, китайские наблюдатели не могли не заметить этой разницы.

После прихода к власти Чжао Цзыяна тональность оценок советской перестройки сменилась в КНР на исключительно положительную. Среди интеллигенции преобладали сторонники реформистского курса, что способствовало доминированию либеральной риторики в периодике 1987—1989 гг. Позитивно оценивая достаточно радикальные преобразования в СССР, авторы публикаций в китайской прессе завуалированно поддерживали политику самого Чжао Цзыяна [2, с. 38].

СМИ КНР начали хвалить советское руководство за шаги по отделению партии от государства, политику гласности и «укрепление социалистической законности» (под этим подразумевалась, прежде всего, борьба против коррупционеров в партии). В партийном журнале «Хунци» делался вывод о «чрезвычайной важности опыта СССР и восточноевропейских стран», который заключается в том, что «реформа экономической структуры не может проводиться изолированно, она должна тесно сочетаться с реформой политической структуры» [1, с. 77]. Развитие демократии характеризовалось как «важнейшая часть советской перестройки» [1, с. 69]. Конкретизируя меры по осуществлению социально-политической перестройки в СССР, газета «Гуанмин жибао» отмечала: «На новый, более высокий уровень поднимается контроль за деятельностью административных органов... повышается роль собраний трудовых коллективов в обсуждении и решении важных вопросов, усиливается роль масс в контроле „снизу“» [1, с. 69]. В китайских СМИ широко освещались «усилия по совершенствованию избирательных кампаний в государственные органы власти», проводимые в СССР после XXVII съезда КПСС [1, с. 70].

Можно сказать, что 1987—1989 гг. стали кульминацией внимания китайского общества к процессам в Советском Союзе [8, с. 160]. Впрочем, такое внимание объясняется решением собственных конъюнктурных задач частью руководства КПК, фактически контролировавшей СМИ.

Под информационным прикрытием, для которого активно использовались сообщения о преобразованиях в СССР, Чжао Цзыян и его соратники

осуществляли меры по реформированию политической системы, решение о чём было принято на XIII съезде КПК (октябрь 1987 г.). Целью изменений провозглашалось создание «жизнеспособной социалистической политической системы с высокоразвитой демократией, совершенным законопорядком и высокой эффективностью» [4, с. 46]. В очередной раз главной задачей в этой области стало разграничение функций партийных и государственных органов.

Было провозглашено, что «вопрос о стиле работы партии (т.е. вопрос искоренения проблем, связанных с коррупцией и злоупотреблениями полномочиями. — *И.З.*) — это вопрос о жизни и смерти партии» [12, с. 62]. Съезд подвёл итоги кампании по «упорядочению партии» (1983—1987 гг.), отметив, что устранение изъянов в идеологическом и организационном отношении является долговременной работой, «разрешение всех вопросов за какой-то короткий период времени невозможно» [8, с. 14]. Тем самым признавался фактический провал кампании, которая не достигла поставленных целей: по мере развития экономических преобразований и всё большего проникновения в экономику рыночных механизмов коррумпированность партийно-государственного аппарата увеличивалась.

На 5-й сессии ВСНП 6-го созыва (март — апрель 1987 г.) в своём докладе Чжао Цзыян предупредил о недопустимости «под предлогом борьбы против буржуазной либерализации глушить демократию, зажимать справедливую критику недочётов и ошибок в практической работе и мстить за неё» [8, с. 16]. На последовавшей затем дискуссии большое значение придавалось, так же как, и в СССР, расширению гласности, использованию методов демократического контроля, реализации потенциала общественного мнения. На сессии говорилось и о необходимости совершенствовать существующие институты политической системы, например, увеличивать роль собраний народных представителей (СНП). Ставился вопрос о качественных изменениях характера избрания депутатов СНП и ВСНП. Звучали призывы отрешиться от практики подбора кандидатов по определённой сверху развёрстке [8, с. 17].

Повысить значимость местных СНП планировалось путём систематического заслушивания отчётов всё большего числа государственных органов [9, с. 13]. Как отмечала печать, недопустимо применять «разнарядку» при формировании депутатского корпуса, а также выполнять требования, исходящие от вышестоящих инстанций, об избрании определённых ими лиц [9, с. 14]. Как мы видим, вопрос о создании многопартийной системы и отказе КПК от монополии на власть не ставился. Фактически конкретизация требований по разграничению полномочий партийного и административного аппарата и расширению роли местных СНП и стала кульминацией движения Китая по пути к политической реформе, т.к. уже вскоре от этих требований пришлось отказаться, и вплоть до настоящего момента задачи преобразований в политической сфере, сформулированные ещё в 1987 г., не достигнуты.

ПОСЛЕ 1989 г.: РЕФОРМЫ В СССР КАК УРОК

Параллельно процессам либерализации общественной жизни в Китае нарастал целый клубок социальных проблем, большинство из которых являлось побочным эффектом экономических преобразований. С 1985 г. в стране осуществлялась реформа цен и ценообразования. Принимаемые меры вызвали рост себестоимости большей части продукции, а вслед за этим — повышение розничных цен. Предполагалось, что данные негативные тенденции компенсируются увеличением производительности труда. Однако цепную реакцию роста дороговизны сдержать не удалось. Итогом экономических преобразований в 1985—1987 гг. на селе стали опережающие темпы развития несельскохозяйственного производства, которое приносило значительно большие доходы, чем земледелие. Темпы производства, особенно зернового, замедлились. Увеличилась диспропорция между спросом и предложением. Государственный план производства зерна не выполнялся. В результате КНР вновь прибегла к импорту зерновых, в части городов было введено ограниченное или нормированное снабжение зерном по карточкам [8, с. 74]. Обострившийся дефицит важнейших видов сельхозпродукции вызвал резкий скачок цен. В 1987 г. продовольствие подорожало в среднем на 10,1% [8, с. 75]. Увеличение стоимости продовольствия стало главным фактором роста индекса розничных цен в стране. Общий рост цен в 1988 г. составил 18,5% [9, с. 4]. У 1/5 горожан и крестьян наблюдалось снижение доходов, которое в первой половине 1987 г. затронуло уже 2/5 трудящихся [8, с. 75].

По-прежнему нерешённой оставалась ситуация с коррупцией и экономическими преступлениями *ганьбу* — партийно-административной номенклатуры. Усиление социально-экономических проблем и требования части руководства провести политическую реформу обострили фракционную борьбу в верхушке КПК. Различия в подходах к дальнейшему развитию страны в партийной элите совпали по времени не только с демократизацией режима в СССР и Восточной Европе (т.н. революции 1989 г.³), но и с ростом в Китае студенческих выступлений против коррупции и nepотизма в партии, за отказ от гегемонии марксистской идеологии [14, с. 513] и демократизацию режима.

Кульминации фракционная борьба достигла весной 1989 г., оказавшись связанной со студенческими выступлениями на площади Тяньань-

³ Июнь 1989 г.: в Польше легализована политическая организация «Солидарность» и решено провести парламентские выборы, в Венгрии смещён генсек Социалистической рабочей партии и принят т.н. демократический пакет законов. Либерализация в Венгрии стала катализатором ликвидации социалистического режима в ГДР и объединения Германии (после «открытия» границы Венгрии и ФРГ дальнейшее существование «железного занавеса» фактически лишилось смысла). События в других странах соцлагеря во многом развивались по «эффекту домино», вызванному падением Берлинской стены и отсутствием деятельной реакции на это со стороны СССР.

мэнь. Протесты, вызванные, прежде всего, резким скачком цен, достаточно быстро «перекинулись» и на правящую партию, и лично на Дэн Сяопина (например, в известной «Декларации 17 мая» прямо писалось, что «правление стариков должно прекратиться, диктатор должен уйти» [15, с. 544]). Это позволило руководству КПК рассматривать выступления как «контрреволюционный мятеж» и ввести в Пекине военное положение. После разгона протестующих в ночь на 4 июня не только политическая реформа, но и вообще весь комплекс преобразований был снят с повестки дня⁴.

Последовавшая немедленно отставка Чжао Цзяяна вновь изменила тональность дискуссии о перестройке в Советском Союзе на диаметрально противоположную. В этот период о ней говорили как об исключительно опасном источнике «буржуазной либерализации», видя в действиях КПСС (собственная дискредитация и отделение партии от государства) «плохой пример для подражания» [19].

Успехи Чжао Цзяяна и его единомышленников по либерализации общественной жизни и демократизации политической системы оказались временными. Инерция консервативной части руководства КНР была слишком сильной. Ключевое значение имела позиция 85-летнего Дэн Сяопина, который ранее поддерживал начинания Ху Яобана и Чжао Цзяяна, однако в критический момент, перед угрозой выхода ситуации из-под контроля правящей партии, сделал выбор в пользу силового подавления потенциальной революции. Впрочем, данный выбор кажется естественным для человека, который двумя десятилетиями ранее пострадал от народных выступлений («культурная революция») и не мог рисковать стабильностью ради ещё нескольких лет смуты с непредсказуемым концом.

В СССР, где сопротивление реформам в элите, за редким исключением типа путча ГКЧП, было преодолено, а процессы либерализации общества зашли слишком далеко, развитие ситуации пошло по другому сценарию. При этом, в отличие от Китая, реформы не принесли видимого улучшения состояния экономики, а центробежный импульс, идущий от региональных элит, оказался важнейшим фактором коллапса всего государства⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шаги, сделанные в направлении реформирования политической системы Китая в 1980-х гг., нельзя назвать значительными, хотя предпринятые меры (в частности, в области совершенствования законодательства, а также по формированию системы государственной службы) сыграли

⁴ Только после знаменитой инспекционной поездки Дэн Сяопина по южным районам страны в 1992 г. был взят курс на возобновление реформ и преодоление реакции 1989—1992 гг.

⁵ Данные замечания не претендуют на комплексность оценки, поскольку сравнение хода и результатов реформ в СССР и КНР требует серьёзного исследования.

свою позитивную роль. Существовали проблемы в сфере практической реализации установки на разделение партийных и правительственных функций, а также побочные эффекты, связанные с неконтролируемым ростом коррупционного поведения местных руководителей. Пример Советского Союза, где осуществлялись схожие преобразования в политической сфере, активно освещался китайскими СМИ в 1987—1989 гг. для обеспечения общественной поддержки реформистской линии генсека КПК Чжао Цзяна.

Преодоление указанных выше трудностей зависело от осуществления продуманных мер по реформированию политической системы. Однако преобразования были приостановлены из-за волнений 1989 г. Решение 5-го пленума ЦК КПК 13-го созыва (ноябрь 1989 г.) о необходимости поддержания политической стабильности делало акцент на усилении директивного планирования и централизованного управления, в связи с чем остальные задачи, включая политическое реформирование, приобретали второстепенное значение [11, с. 148]. Политический режим стал больше опираться на авторитарные методы правления; были активизированы меры по укреплению роли КПК и полномочий центра, значительно усилена деятельность контрольных и правоохранительных органов, свёрнута реформа избирательного законодательства.

Таким образом, на рубеже десятилетий произошла существенная коррекция внутривнутриполитического курса КНР, в результате чего демократическая составляющая приобрела периферийное значение, а под «политической реформой», которая оставалась на повестке дня ввиду тезиса Дэн Сяопина о том, что «проведение политических преобразований является залогом успешных преобразований в экономике», начали пониматься декоративные корректировки государственного аппарата без обсуждения легитимности монополии КПК на власть и других ключевых характеристик политического режима.

Столь трагическое охлаждение градуса политической дискуссии стало залогом того, что, когда в начале 1990-х гг. СССР и просоветские режимы в Восточной Европе рухнули, КНР оказалась заката в рамках авторитарного режима сильнее, нежели была когда-либо за свою 40-летнюю историю. Обсуждение перестройки как возможного «примера к действию», по понятным причинам, прекратилось навсегда. А сама перестройка после распада СССР в китайских исследованиях начала восприниматься исключительно в контексте потери КПСС власти; её изучение, ставшее одной из основных проблем китайской русистики, свелось к поискам ответов на вопросы: почему КПСС потеряла власть и что сделать КПК, чтобы не повторить её ошибок.

Таким образом, перестройку в СССР как фактор развития политической системы в КНР в 1980-е гг. нельзя сбрасывать со счетов, но не стоит и преувеличивать её значение. Экономическая повестка реформ в Китае осуществлялась независимо от процессов в Советском Союзе,

причём начала развиваться раньше. Факт наличия преобразований в социально-политической сфере в СССР, которые сопровождали экономические реформы, был важен китайскому руководству как обоснование необходимости таких же изменений в КНР. Это вылилось в целый ряд публикаций 1987—1989 гг., возможно, подспудно влияло на настроения студенческих выступлений 1989 г. Однако нами не получено свидетельств того, что политическая повестка реформ в КНР сформировалась под влиянием советского опыта. Политические преобразования в Китае были свёрнуты также по внутренним причинам, а не в результате каких-либо выводов о негативном опыте КПСС. А вот изучение причин коллапса Советского Союза постфактум способствовало корректировке курса КПК. Так, анализ ошибок СССР в перестроечный период, по нашему мнению, полностью или частично способствовал таким шагам китайской правящей элиты, как создание чёткого механизма смены высшего руководства, постоянное «обновление» идеологического курса КПК и проведение резонансных антикоррупционных кампаний. Изучение перестроечного опыта Советского Союза после прихода к власти Си Цзиньпина, ввиду явного кризиса легитимности КПК, замедления темпов экономического роста и расцвета коррупции, переживает новый виток востребованности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Артемьева О.С. Китайская пресса о социально-политическом аспекте перестройки в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 1. С. 66—78.
2. Габуев А.Т. Гибель старшего брата // Россия в глобальной политике. 2012. № 5. С. 37—49.
3. Галенович Ю.М. Китайские поминки по КПСС и СССР. М.: Восточная книга, 2011. 264 с.
4. Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин: Изд-во лит-ры. на ин. яз., 1988. 262 с.
5. Зуенко И.Ю. Изучение перестроечного опыта СССР в Китае // В зеркале перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 226—235.
6. Егоров К.А. Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е гг.). М.: Наука, Изд. фирма «Восточная литература», 1993. 208 с.
7. Иванов С.А., Савченко А.Е. Эффективность государства как проблема новейшей истории России и Китая: сравнительный анализ // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 155—165.
8. Китайская Народная Республика в 1987 г: Политика, экономика, культура. Ежегодник. М.: Наука, 1989. 360 с.
9. Китайская Народная Республика в 1988 г: Политика, экономика, культура. Ежегодник. М.: Наука, 1990. 380 с.

10. Коваленко С.Г. Среднее звено управленческой элиты Приморья в годы перестройки: реакция на местах // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 80—93.
11. Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М.: Ин-т ДВО РАН, 2004. 320 с.
12. Кукушкин К.В. Высвобождая энергию партии // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 6. С. 62—67.
13. Романова Г.Н. Экономические реформы в Китае, их отличие от реформирования в России // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 69—83.
14. Рябченко Н.П. Китайские реформы на весах истории: предварительный анализ // Россия и АТР. 2009. № 2. С. 110—118.
15. Усов В.Н. История КНР. В 2 т. Т. 2: 1966—2004 гг. М.: Восток—Запад, 2006. 718 с.
16. Liang Chen. Beijing summons thousands of county-level officials to learn the art of ruling // Global Times. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/904046.shtml> (дата обращения: 10.02.2015).
17. Архив газеты Жэньминь жибао 1946—2003 = 人民日报1946—2003年档案. URL: <http://rmbbw.info> (дата обращения: 13.08.2015).
18. Лу Наньцюань. Провал реформы экономической системы Горбачёва и резкие перемены в СССР = 陆南泉。戈尔巴乔夫经济体制改革失败与苏联举办 // Цюши. URL: http://www.qstheory.cn/special/2012/sujt/ggsk/201204/t20120406_149809.htm (дата обращения: 10.02.2015).
19. Лу Наньцюань, Хуан Вэйдин, Шэн Чжихуа. Кто разрушил Советский Союз? = 陆南泉, 黄苇町, 沈志华。谁炮击了前苏联? // Айсысян. URL: <http://www.aisixiang.com/data/48844.html> (дата обращения: 10.02.2015).
20. Тридцать лет перестройке в СССР: помнить, но не отмечать = 社评: 苏联改革30年, 无处纪念只有祭 // Хуаньцю. URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2015-04/6280847.html> (дата обращения: 13.08.2015).
21. Цзо Фэнжун. Фатальные ошибки: эволюция и влияние внешней политики СССР = 致命的错误: 苏联对外湛蓝的演变与风向. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2001. 220 с.
22. Чжу Цзидун. Несколько ошибок политической реформы, которые были допущены «на пути» забвения партии и государства в Советском Союзе = 朱继东。苏联亡党亡国过程中的几次法治改革陷阱及警示 // Цюши. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2015-05/11/c_1115237609.htm (дата обращения: 13.08.2015).

REFERENCES

1. Artem'eva O.S. Kitajskaja pressa o social'no-politicheskom aspekte perestrojki v SSSR [Social and political aspect of perestroika in USSR as shown in Chinese media]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1988, no. 1, pp. 66—78. (In Russ.)
2. Gabuev A.T. Gibel' starshego brata [Death of the Older Brother]. *Rossija v global'noj politike*, 2008, no. 1, pp. 37—49. (In Russ.)
3. Galenovich Ju.M. *Kitajskie pominki po KPSS i SSSR* [Chinese commemoration of the Communist Party and USSR]. Moscow, Vostochnaja kniga Publ., 2011. 264 p. (In Russ.)
4. *Dokumenty XII Vsekitajskogo s'ezda Kommunisticheskoj partii Kitaja* [Documents of the 13th Chinese Congress of the Communist Party of China]. Beijing, Foreign language press Publ., 1988. 262 p. (In Russ.)
5. Zuenko I.Ju. Izuchenie perestroenogo opyta SSSR v Kitae [Studying the perestroika experience of USSR in China]. *V zerkale perestrojki: k osmysleniju rossijskoj transformacii: sb. nauch. statej*. IHAЕ FEB RAN, 2015, pp. 226—235. (In Russ.)

6. Egorov K.A. *Kitayskaya Narodnaya Respublika: Politicheskaya sistema i politicheskaya dinamika (1980-e gg)* [People's Republic of China: political system and political dynamics (1980's)]. Moscow, Nauka — Vostlit Publ., 1993, 208 p. (In Russ.)
7. Ivanov S.A., Savchenko A.E. *Jefferktivnost' gosudarstva kak problema novejshej istorii Rossii i Kitaja: sravnitel'nyj analiz* [The state's efficiency as an issue of Russian and Chinese modern history: comparative analysis]. *Rossija i ATR*, 2012, no. 1, pp. 155—165. (In Russ.)
8. *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politicheskoye i ekonomicheskoye razvitie v 1987 g.* [People's Republic of China in 1987: politics, economics, culture]. Yearbook. Moscow, 1989. 360 p (In Russ.)
9. *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politicheskoye i ekonomicheskoye razvitie v 1988 g.* [People's Republic of China in 1988: politics, economics, culture]. Yearbook. Moscow, 1990. 380 p (In Russ.)
10. Kovalenko S.G. *Srednee zveno upravlencheskoj jelity Primor'ja v gody perestrojki: reakcija na mestah* [The middle tier of Primorye's management elite in perestroika period: reaction at the local level]. *Rossija i ATR*, 2014, no. 4, pp. 80—93. (In Russ.)
11. Kokarev K.A. *Politicheskij rezhim i modernizacija Kitaja* [Political regime and modernization in China]. Moscow, Institute of Far East RAS Publ., 2004, 320 p. (In Russ.)
12. Kukushkin K.V. *Vysvobozhdaja jenergiyu partii* [Releasing the party's energy]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1988, no. 6, pp. 62—67. (In Russ.)
13. Romanova G.N. *Jekonomicheskie reformy v Kitae, ih otlichie ot reformirovanija v Rossii* [Economic reforms in China and their differences from reformation in Russia]. *Rossija i ATR*, 2008, no. 4, pp. 69—83. (In Russ.)
14. Rjabchenko N.P. *Kitajskie reformy na vesah istorii: predvaritel'nyj analiz* [Chinese reforms on the scale of history: provisional analysis]. *Rossija i ATR*, 2009, no. 2, pp. 110—118. (In Russ.)
15. Usov V.N. *Istorija KNR* [History of PRC]. Vol. 2: 1966—2004. Moscow, Vostok—Zapad Publ., 2006, 718 p. (In Russ.)
16. Liang Chen. *Beijing summons thousands of county-level officials to learn the art of ruling*. *Global Times*. Available at: <http://www.globaltimes.cn/content/904046.shtml> (accessed: 10.02.2015). (In Eng.)
17. *Renmin ribao 1946—2003 dang'an* [Archive of Renmin Ribao newspaper 1946—2003]. Available at: <http://rmbwb.info> (accessed: 13.08.2015). (In Chin.)
18. Lu Nanquan. *Geerbaqiaofu jingji tizhi gaige shibai yu Sulian juban* [Failure of Gorbachev's economic system and drastic changes in USSR]. Available at: http://www.qstheory.cn/special/2012/sujt/ggsk/201204/t20120406_149809.htm (accessed: 10.02.2015). (In Chin.)
19. Lu Nanquan, Huang Weiding, Sheng Zhihua. *Shei paojichule qian Sulian?* [Who destroyed the Soviet Union?]. Available at: <http://www.aisixiang.com/data/48844.html> (accessed: 10.02.2015). (In Chin.)
20. *Sulian gaige 30 nian: wuchu jinian zhiyou zhai* [Thirty years since perestroika in USSR: remembering but not commemorating]. Available at: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2015-04/6280847.html> (accessed: 13.08.2015). (In Chin.)
21. Zuo Fengrong. *Zhimingde cuowu: Sulian duiwai zhanlvede yanbian yu fengxiang* [Fatal mistakes: evolution and influence of foreign policy of USSR]. Beijing, Shijie zhishi chubanshe Publ., 2001, 220 p. (In Chin.)
22. Zhu Jidong. *Sulian wangdang wangguo guocheng zhongde jici fazhi gaige xianjing ji jianshi* [Some mistakes of the political reform made on the way towards oblivion of party and state in the Soviet Union]. Available at: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwq/2015-05/11/c_1115237609.htm (access: 13.08.2015). (In Chin.)